

Первый красавец-призрачный лис Биньци, Цзи Саньмэй, умер, удостоившись пышных похорон, подобающих владыке Бессмертного Царства.

В день выноса тела сотни людей из Бессмертного Царства сопровождали гроб в траурном шествии вокруг города. Бумажные паланкины и лошади растянулись на десять ли, ритуальные деньги кружились в воздухе, белые, как гусиный пух, густою пеленой застилая небо над городом Чжуинь, почти затмевая солнце.

Несколько человек в масках для ритуальных танцов шли впереди, приплясывая и напевая. Движения их были скованны, руки и ноги выбелены благовонной пудрой, а из горла вырывались заунывные погребальные песни — тягучие, визгливые, словно пляска бесов из преисподней, ведущих гробницу в последний путь.

Чжуинь всегда блистал пышностью и великолепием, но в тот день, погружённый в белый траур ради одного Цзи Саньмэя, он являл собой поистине грандиозное зрелище.

В те годы как раз входило в моду постижение духовных практик. Чжуинь, будучи столицей континента, собрал в своих стенах представителей всех знатных семей, что следовали этим путём. Право жить здесь имели лишь отпрыски таких родов. И вот они, облачённые в траурные одеяния цвета тёмной лазури, выстроились вдоль улиц, провожая Цзи Саньмэя.

Когда гроб проезжал мимо, юные девы из бессмертных семейств в один миг закрыли лица и зарыдали, хватая из корзинок лепестки белых хризантем и осыпая ими воздух. Лепестки, смешавшись с бумажными деньгами, хлопьями падали на хрустальный гроб, пока совсем не скрыли лицо усопшего.

Траурная процессия растянулась на сотни футов, трижды обогнула город, делая по пути несколько остановок в поминальных шатрах, и достигла главной цитадели лишь к исходу половины дня.

Сунь Улян, глава семьи Сунь, избранный присутствующими для проведения церемонии, стоял на сторожевой башне главной крепости и взирал вниз на толпу скорбящих. Во взгляде его читалась лишь глубокая печаль. Скинув плащ и сняв головной убор, он вышел на открытый ветру выступ, откашлялся и возгласил: «Цзи Саньмэй!..»

Произнеся это имя, он на мгновение замолк, обводя взором округу. Притих и шум внизу — все взоры устремились на Сунь Уляна.

Тот развернул бамбуковый свиток и начал читать, то понижая, то повышая голос: «Цзи Саньмэй, девятнадцати лет от роду, был старшим сыном правителя Биньци. В восемь лет он лишился матери, а затем и отца. С тех пор, как Биньци склонил голову перед Чжуинем, он служил нам советником, помогал в свершении планов, усмирил Лунган, изгнал нечисть — ум его не знал себе равных, а талант был достоин великого мужа. Ради высшей справедливости, когда Чжуинь поднял карающий меч на Юньян, Цзи Саньмэй отдал все силы, не покладая рук, взывая к народу, и написал „Воззвание к походу на Юньян“ — произведение, исполненное литературного блеска и пламенного духа! Но коварные негодяи из Юньяна, снедаемые завистью к его дарованию и благородству, подослали убийц, дабы отравить господина Цзи! Господин Цзи пал, о горе! Неужели сие есть истина? Или же то всего лишь дурной сон?»

Девы из знатных родов внизу рыдали навзрыд, некоторые, не в силах стоять, падали на землю, и лишь служанки, поддерживая их, спасали от полного позора.

Закончив чтение поминального слова, Сунь Улян также был залит слезами и, не в силах

вымолвить ни слова, с тяжёлым сердцем сошёл с башни.

За ним по пятам следовал его младший брат, Сунь Фэй, и, подав платок, на уединённом участке стены тихонько рассмеялся: «Взгляни-ка на жалкий вид этих аристократок. Умер всего-то красавчик-фатюй, а они рыдают, будто родителей потеряли».

Сунь Улян терпеливо промокнул платком следы слёз и аккуратно сложил его. «Этот „красавчик-фатюй“ был не так-то прост».

Сунь Фэй фыркнул: «Каким бы непростым ни был, а теперь он мертвец».

— А брат его где? — На лице Сунь Уляна не осталось и тени прежней скорби, выражение было спокойным, будто речь шла о домашней скотине.

На лице Сунь Фэя появилась насмешливая ухмылка: «Эта тварь до сих пор отказывается верить в смерть брата. Сегодня с утра опять буянил. Ученики ничего с ним поделать не могли, пришлось сковать Цепью бессмертных уз. Говорят, чуть не перегрыз её — настоящий пёс. Выпусти его сейчас — церемонию сорвёт, будет нехорошо».

Сунь Улян, опустив глаза, на мгновение задумался, а затем отдал распоряжение: «...Пусть весть о смерти Цзи Саньмэя дойдёт до самых передовых позиций. Восславляй его заслуги, разнеси молву о его славе. Добейся, чтобы каждый узнал: Цзи Саньмэй служил Чжуньиню верой и правдой, не щадя живота своего. И в конце концов, эта весть непременно должна достичь стен города Линтин».

— Линтин? — Сунь Фэй, поразмыслив, не понял. «Шэнь Фаши только что отбил Линтин у юньянцев. Заклинатели ещё там отдыхают и приводят себя в порядок...»

Сунь Улян ответил бесстрастно: «Войска Юньяна вскоре предпримут внезапную атаку, дабы отбить город и осадить Линтин. Шэнь Фаши ещё молод, силы его невелики, да и заклинателей под его началом немного. Надолго их не хватит».

Сунь Фэй прозрел: «...Брат, искусный ход!»

О чувствах Шэнь Фаши к Цзи Саньмэю в Чжуине знали немногие, но Сунь Улян с Сунь Фэем были в курсе. Если тот узнает о смерти Цзи Саньмэя, сохранить присутствие духа будет для него задачей почти невыполнимой.

Когда враг у ворот, а ситуация на поле боя меняется в мгновение ока, стоит полководцу дрогнуть — и гибель всего войска неминуема.

Сунь Улян, однако, счёл этого недостаточным и добавил: «Скажи гонцу: мать Цзи Саньмэя была родом с юго-запада, и погребальные обряды там особые. В знак уважения допускается совершить в черте города Чжуинь обряд древесного погребения».

Сунь Фэй замер на месте, и по спине его пробежала холодная дрожь.

Что такое древесное погребение?

В некоторых областях юго-запада оно считалось высшей почестью, но для тех, кто оттуда родом не был, разницы между таким погребением и оставлением тела на растерзание диким зверям почти не существовало.

...А то и было хуже.

Чтобы совершить обряд древесного погребения, тело умершего нужно было подвесить на дереве и предоставить тлению и ветрам. А совершить такой обряд в самом Чжуине означало одно: на глазах у всех дать телу Цзи Саньмэя истлеть до костей.

Надо сказать, Цзи Саньмэй, хоть и был мужчиной, красотой обладал редкостной. Его называли призрачным лисом, наделённым неземной красотой, станом он был строен и изящен. Любил он похаживать по кабакам да чайным, держа в руке золотую нефритовую курительную трубку, облачённый в лёгкие одеяния цвета весенней зелени. Стоило прохожему лишь поймать его мимолётный взгляд — и тот уже строил воздушные замки, предаваясь несбыточным мечтам. А уж если на Цзи Саньмэе было белое одеяние — он мог свести с ума любого, кто ценил прекрасное.

Представить себе, как такое тело день за днём, под лучами солнца и каплями росы, будет медленно разлагаться, пока не обратится в скелет, — от одной этой мысли Сунь Фэя бросало в озноб.

С трудом подавив тошноту, он с подобострастной ухмылкой принялся льстить: «Брат, расчёт твой точен. Если этот Шэнь услышит о таком, с ума сойдёт, не иначе. А коли и не сойдёт, то полжизни точно потеряет. Кинься он, вопреки приказу, с поля боя назад, к Цзи Саньмэю, — это будет дезертирство, караемое смертью. Останется же в Линтине — будет не в себе, и тоже погибнет».

Сунь Улян вздохнул и, поглаживая бороду, с сожалением изрёк: «Третий господин из семьи Шэнь и Цзи Саньмэй характерами разнились, но оба были противниками тяжёлыми. Уж больно амбициозен он, и гибкости в нём нет, упрям. Чтобы сохранить за семьёй Сунь исключительное положение в Чжуине, оставлять его в живых никак нельзя».

Сунь Фэй поспешно согласился: «Брат правду говорит».

Едва слова слетели с его уст, как холодный ветер, словно пиявка, высосал из тела остатки тепла, заставив кровь в жилах похолодеть и замереть.

Хотя он и поддержал брата, перед глазами у Сунь Фэя то и дело вставали картины древесного погребения Цзи Саньмэя, а в груди никак не унимался ледяной холод. Он не выдержал и спросил Сунь Уляна: «У Цзи Саньмэя душа была словно девять раз изогнута — не угадать, что на уме. Вдруг... вдруг у него был какой-то план? Или... если он воскреснет и будет таиться в тени, выжидая момент для мести? Что тогда?»

...Учитывая способности Цзи Саньмэя, такие опасения имели под собой почву.

Сунь Улян с усмешкой взглянул на брата.

И под этим взглядом пыл в голове Сунь Фэя поутих.

...Ведь он собственными глазами видел, как Цзи Саньмэй осушил ту самую чашу с ядом. Подделать такое было невозможно.

Пока они беседовали, братья уже сошли к подножию главной башни. Под взорами знатных семей Чжуиня в глазах Сунь Уляна вновь появилась скорбь. Он посмотрел на одну из рыдающих девиц, и в голосе его зазвучала бездонная жалость и печаль: «...Ведь это же государственные похороны».

Сунь Улян повернулся к Сунь Фэю, и слова его были полны сострадания, достойного самого Будды: «Цзи Саньмэй — герой Чжуиня. Но лишь мёртвые достойны зваться „героями“». Он сделал паузу. «Тот, кому выпала честь быть погребённым с государственными почестями, обязан умереть».

Сунь Фэй всем сердцем с этим согласился, но на лице его всё ещё лежала тень.

Небо было пугающе хмурым, словно в облака вылили целую чернильницу, и тушь, расплываясь, затянула всё вокруг. Облако, по форме напоминающее небесного пса, быстро пожирало послеполуденное солнце, а красный диск светила агонизировал на краю небосклона.

Сунь Фэй вдруг заметил, что руки его трясутся.

Он по-прежнему боялся того юношу, чей духовный корень был разрушен, но кто, подобно призрачному лису, умел играть с человеческими сердцами.

Даже смерть оказалась не в силах избавить его от этого страха.

<http://bllate.org/book/16281/1466033>